

— Тогда проводился открытый кастинг на роль третьего плана, и на него пришло около двухсот человек, которые все толпились на одном этаже, создавая невыносимую суматоху. Я, раздражённый, вышел на крышу подышать воздухом и услышал, как кто-то репетирует текст.

Сюй Яньчжи, казалось, погрузился в воспоминания. Он сделал паузу, а затем продолжил:

— Этот человек был старше меня на год или два, с приятной внешностью и ямочками на щеках, когда улыбался. Его метод запоминания текста отличался от других. Он не только учил реплики своей роли, но и запоминал слова всех остальных персонажей.

— Как и ты только что, он одним голосом играл семь или восемь ролей, не повторяясь и не искажая их. Будь то наложница, евнух или император — у каждого была своя индивидуальность и характер. Просто слушать, как он читает текст, было огромным удовольствием.

Даже просто выслушав это, Пэй Цинчэнь почувствовал, как ладони его покрылись потом. Он сжал пальцы, а затем разжал их, стараясь, чтобы Сюй Яньчжи не заметил этого движения.

К счастью, тот не обратил внимания на его реакцию. Сюй Яньчжи стряхнул пепел с сигареты и тихо добавил:

— Я понял, что он не учился актёрскому мастерству, а полагался на интуицию и природный талант, почти грубо вживаясь в роли. Именно эта редкая, живая искра поразила меня.

— Впервые я осознал, что среди моих ровесников существует такой гений. В моей альма-матер, на актёрском факультете, каждый год появлялись талантливые студенты, но никто из них не мог достичь его уровня. Что значит «родиться под счастливой звездой», что значит «прирождённый актёр» — я увидел это воочию.

Пэй Цинчэнь невольно подумал: «Что за природный актёр, не иронизирует ли Сюй Яньчжи над кем-то?»

Всем в индустрии было известно, что настоящий гений — это сам Сюй Яньчжи. Он никогда не учился актёрскому мастерству, не проходил тренировок, но уже за первую роль получил титул кино короля на премии «Золотой кубок». По сравнению с ним, кто ещё мог считаться талантом?

— Я всегда был гордым человеком и редко кем-то восхищался, но этого человека я запомнил. Я даже невольно думал: если бы я был актёром, если бы мне пришлось играть ту же роль и произносить те же реплики, смог бы я превзойти его?

Голос Сюй Яньчжи был чистым и приятным, и каждое его слово достигало ушей Пэй Цинчэня, не оставляя возможности отвлечься.

— Так я и загорелся идеей стать актёром. Я мечтал когда-нибудь сняться с ним в одном фильме, сыграть с ним в одном кадре.

Сюй Яньчжи потушил сигарету, но продолжал держать окурочек в руке, повернувшись к Пэй Цинчэню.

— К счастью, возможность представилась: он получил роль третьего плана, и я смог приблизиться к нему. Ты не представляешь, как я был тогда счастлив.

— Но, к сожалению, в итоге роль третьего плана досталась другому новичку. Он исчез из

индустрии, и я не мог его найти.

— Лишь много лет спустя, когда я снова его увидел, я узнал причину замены. Этот сериал назывался «Цветы персика как огонь», режиссёром был Чжэн Шань, это историческая драма одиннадцатилетней давности, ты, наверное, не смотрел её.

Мысли Пэй Цинчэня словно застыли, но его лицо оставалось спокойным и невозмутимым. Он не отвел взгляда Сюй Яньчжи и тихо ответил:

— Действительно, не смотрел.

— Но ты наверняка слышал о человеке, который играл третьего плана. Недавно он снялся в эпизодической роли в сериале «Императорская власть». Это Линь Цзи, вы с ним взаимно подписаны в Вэйбо. В итоге он стал ассистентом Линь Цзи, но, к сожалению, недавно скончался.

— Его звали Хань Цин, я до сих пор помню это имя, — улыбка Сюй Яньчжи была едва заметной. — Поэтому, когда я услышал, как ты читаешь текст, мне показалось, что он вернулся.

Эти слова разрушили последние надежды Пэй Цинчэня. Его ладони похолодели, зрачки сузились, и ледяной холод распространился от кончиков пальцев до груди, оставляя лишь пустоту.

Пэй Цинчэнь считал себя осторожным, полагая, что после перерождения он не выдал себя перед Чжоу Цюаньанем и не был разоблачён Линь Цзи, но именно Сюй Яньчжи заметил неладное.

Даже сам Пэй Цинчэнь не ожидал, что причиной вступления Сюй Яньчжи в индустрию стал он сам.

Когда он пробовался на роль третьего плана в «Цветях персика как огонь», он действительно выходил на крышу репетировать текст. Он уже почти забыл об этом, но слова Сюй Яньчжи вернули ему воспоминания.

После репетиции он вернулся на кастинг, но из-за сильного волнения не заметил, наблюдал ли за ним кто-то внимательно.

Странное совпадение, словно всё предопределено судьбой. До своего перерождения Пэй Цинчэнь не имел ничего общего с Сюй Яньчжи, но после перерождения стал его подопечным.

Таковы причуды судьбы. Кто бы мог подумать, что Сюй Яньчжи, международный кинокороль, общавшийся с таким количеством людей, смог так чётко запомнить события одиннадцатилетней давности.

Пэй Цинчэнь невольно задумался: может быть, Сюй Яньчжи уже тогда, на кастинге, узнал его? Возможно, его забота в последнее время была небескорыстной.

Верно, в мире не бывает таких совпадений, чтобы удача просто свалилась на голову. Пэй Цинчэнь хотел усмехнуться, но, зная, что Сюй Яньчжи всё ещё смотрит на него, сдержал себя.

Взгляд Сюй Яньчжи был холодным и оценивающим, словно он хотел уловить каждое движение ресниц, каждый вдох Пэй Цинчэня.

Зачем? Что он хочет увидеть? Может, Сюй Яньчжи хочет, чтобы он заплакал, сдался и рассказал всё о своём перерождении, удовлетворив любопытство и сочувствие великого кино короля?

Ни за что. Никто не сможет сломить гордость Пэй Цинчэня, это стена, которую он строил более десяти лет, будучи одиноким стражем.

Даже если враг будет у ворот, Пэй Цинчэнь останется непоколебимым. Даже Сюй Яньчжи не заставит его сдаться.

История о перерождении звучит настолько абсурдно, что даже если Сюй Яньчжи расскажет об этом, никто не поверит. У него нет доказательств, только ощущения, так что он ничего не сможет сделать.

Пэй Цинчэнь перестал паниковать. Он сжал губы и спокойно произнёс:

— Учитель Сюй, мёртвые не воскресают, думаю, вам стоит смотреть вперёд.

— Учитель Сюй? — Сюй Яньчжи повторил эти слова, поднял бровь и спросил:

— Когда наши отношения стали настолько формальными? Раньше, когда ты уговаривал меня бросить курить, ты называл меня «братом Сюй».

Его голос всё ещё звучал с улыбкой, словно он не заметил внезапной холодности Пэй Цинчэня. Но когда Сюй Яньчжи сделал шаг вперёд, Пэй Цинчэнь отступил, не позволяя приблизиться.

Слишком долго прожив в комфорте, Пэй Цинчэнь забыл, что люди непредсказуемы. Никто не станет относиться к тебе хорошо без причины — либо есть скрытые мотивы, либо злой умысел.

— Вы режиссёр и мой старший коллега, раньше я был недостаточно почтителен, приношу свои извинения.

Пэй Цинчэнь поклонился, выражая уважение и отстранённость. Его чёлка упала на лицо, скрывая выражение.

Казалось, всё вернулось к началу, когда Пэй Цинчэнь был осторожен и отстранён, вежлив и сдержан со всеми, каждое слово взвешивал, чтобы не допустить ошибок.

— Старший коллега, режиссёр? — Сюй Яньчжи не рассердился, а засмеялся, остановившись прямо перед Пэй Цинчэнем. — Маленький Пэй, в твоём сердце наши отношения ограничиваются этим?

Какие ещё отношения он хочет? Что ещё может быть у Пэй Цинчэня, чтобы Сюй Яньчжи мог им манипулировать? Разве он не хочет просто держать его под контролем, лишив свободы?

В этот момент Пэй Цинчэнь возненавидел Сюй Яньчжи, и эта ненависть возникла из ниоткуда. Он хотел наброситься на него, ударить несколько раз, чтобы и Сюй Яньчжи не было спокойно.

Странно, что перед Линь Цзи, который стал причиной его смерти, Пэй Цинчэнь мог сохранять хладнокровие, играя роль и отражая все его попытки выведать правду.

Но с Сюй Яньчжи он не мог оставаться спокойным. Он поднял голову и чётко произнёс:

— Хань Цин мёртв, он лежит в холодной могиле. Твои слова он не услышит.

В глазах красивого молодого человека, словно текли ледяные реки, острые как лезвия, создавая неприступную защиту, безудержно распространяющуюся наружу.

Внезапно Пэй Цинчэнь улыбнулся, его лицо озарилось ярким светом. Но его взгляд оставался холодным и застывшим, когда он тихо произнёс:

— Поздно, всё уже поздно.

<http://bllate.org/book/15551/1415491>